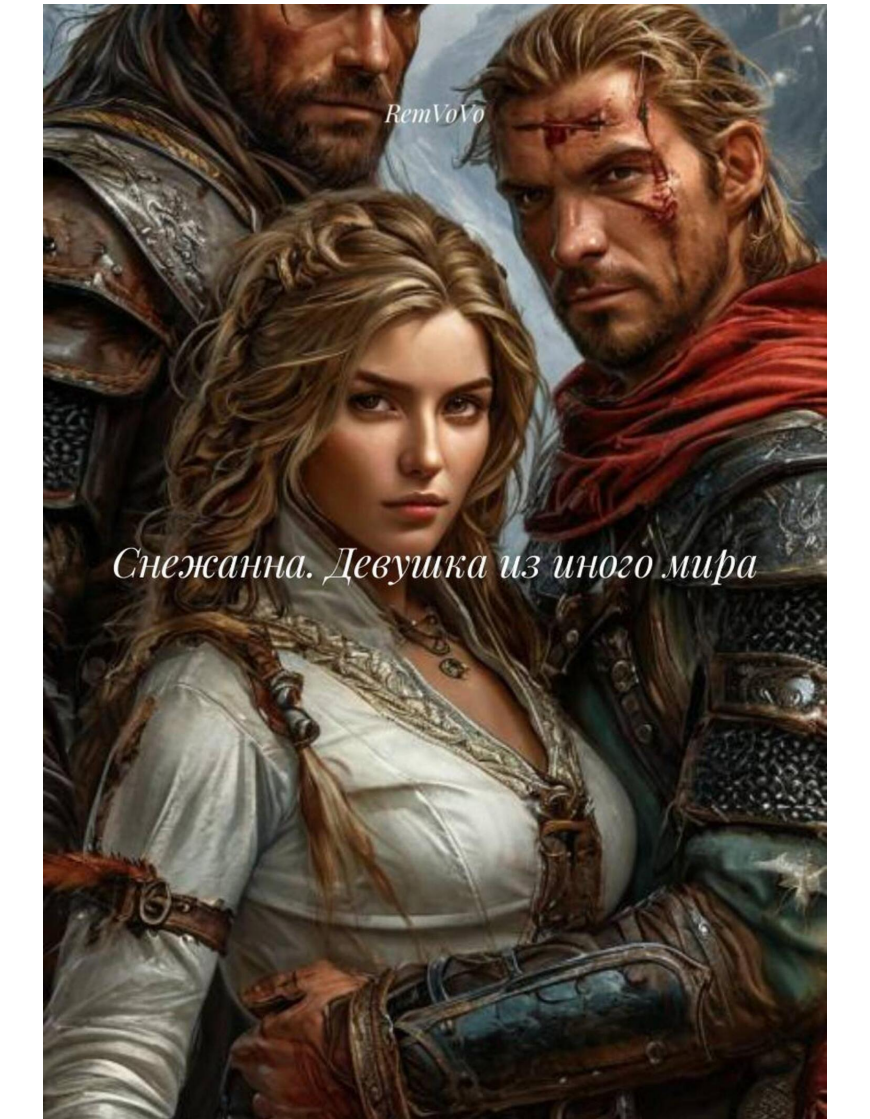

RemVoVo

Снежанна. Девушка из иного мира

RemVoVo

Снежанна. Девушка из иного мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72501238

SelfPub; 2025

Аннотация

Врач Снежана Егорова случайно попадает в мир магии и меча – и встречает Гонора, brutального северного воина с сердцем, скрытым за шрамами. Вместе они пройдут через битвы, предательства и древние испытания, где цена любви – память, а цена свободы – клятва кровью. Она – сильная, умная, с травами вместо магии. Он – молчаливый, верный, с топором вместо клятв. Любовь, которая сильнее порталов. Доверие, которое сильнее времени. Для тех, кто верит – истинная любовь существует. Даже в мире, где всё против неё.

Содержание

Глава 1. Последний дежурный день	4
Глава 2. Воин с севера	14
Глава 3. Первая перевязка	24
Глава 4. Дорога на юг	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

RemVoVo

Снежанна. Девушка из иного мира

Глава 1. Последний дежурный день

Снежана Егорова выключила монитор, откинулась на спинку стула и потянулась так, будто пыталась вытянуть из себя весь этот день – вместе с усталостью, раздражением и запахом дезинфекции, который уже въелся не в халат, а в кожу. За окном больницы медленно угасал вечер – небо над Москвой было серым, как старый халат санитарки, и таким же безнадёжно-практичным. В отделении тишина, если не считать тиканья часов над дверью и редкого стука каблучков медсестёр в коридоре. Ещё два часа до конца дежурства. Два часа, которые тянутся, как резиновый жгут на старом шприце.

Она вздохнула, провела рукой по волосам – собранным в хвост так туго, что уже к обеду началась пульсирующая боль в висках. «Надо отпускать», – подумала она, но не стала. Привычка. Всё здесь – привычка. Привычка улыбаться пациентам, даже когда хочется кричать. Привычка молчать, когда начальство говорит глупости. Привычка терпеть, когда

коллеги перекалывают на тебя лишнюю работу, потому что «ты же всё равно справишься». И да, она справлялась. Всегда. Потому что Снежана Егорова – не та, кто сдаётся. Не та, кто ноет. Не та, кто просит помощи. Она – та, к кому приходят за помощью. Хирург. Врач. Женщина, которая умеет зашивать раны, но не умеет зашивать собственные дыры в душе.

На экране телефона – сообщение от мамы: «Когда придёшь? Ужин остывает». Снежана закрыла глаза. Мама всегда так. Всегда ждёт. Всегда надеется, что дочь бросит всё и придет. Что выберет семью, а не профессию. Что станет «как все» – выйдет замуж, родит детей, будет печь пироги по выходным. Но Снежана не как все. Она не умеет быть «как все». Она умеет быть первой, кто врывается в операционную, когда всё идёт не так. Умеет быть той, кто говорит «держись» – и сама держится, даже когда внутри всё трещит по швам. Умеет быть сильной. Потому что если она не будет сильной – кто будет?

Она ответила: «Скоро, мам. Часов в десять». И сразу пожелела. Потому что «скоро» – это не про неё. «Скоро» – это про тех, у кого есть время. У неё его нет. Ни на ужины. Ни на свидания. Ни на себя.

В семь часов она сдала дежурство. В семь тридцать – сняла халат, переоделась, поставила чашку в раковину и вышла на улицу. Воздух был влажным, с примесью выхлопных газов и чего-то весеннего – слабого, робкого, но всё же живого.

Она глубоко вдохнула. Потом ещё раз. Потом – третий. Как будто пыталась вдохнуть не воздух, а саму жизнь. Ту самую, настоящую, которая не в операционной, не в истории болезни, не в бесконечных отчётах.

– Пойду в лес, – сказала она вслух, сама себе. – Просто пойду и постою. Без мыслей. Без телефона. Без обязанностей.

Она не часто позволяла себе такое. Но сегодня – позволила. Потому что чувствовала: если не выйдет сейчас – завтра проснётся и снова будет «как обычно». А она не хотела «как обычно». Хотела – по-другому. Хоть на один вечер.

Лес был недалеко – за старым парком, за железной дорогой, за забором с табличкой «Проход запрещён». Она перелезла через него легко – привыкла лазить по чему попало ещё со студенческих времён. Туфли на каблучке она сняла и несла в руке. Босиком по прошлогодней листве – приятно. Холодно, но приятно. Земля ещё не проснулась, но уже дышала – тихо, осторожно, как человек после тяжёлой болезни.

Она шла медленно, не целясь никуда. Просто шла. Смотрела на деревья – голые, но с набухшими почками. Слушала птиц – редких, но настойчивых. Думала... ни о чём. Это было странно. Обычно её голова была забита: анализы, диагнозы, схемы лечения, график дежурств, звонки родителям, неоплаченные счета, стирка, продукты, витамины, которые забыла купить... А сейчас – тишина. Настоящая, глубокая тишина. Как будто кто-то внутри наконец-то выключил ра-

дио, которое играло без остановки последние десять лет.

Она дошла до небольшой полянки – круглой, как тарелка, укрытой мхом и прошлогодними листьями. Посередине – камень. Необычный. Не такой, как другие. Гладкий, тёмный, с вырезанными знаками – не буквами, не цифрами, а чем-то древним, угловатым, почти языческим. Снежана присела на корточки. Провела пальцем по поверхности. Камень был тёплым. Хотя вокруг – весенний холод.

– Откуда ты здесь? – прошептала она.

Никто не ответил. Только ветер шевельнул ветки над головой. Она улыбнулась. Сама себе. Глупо, конечно. Говорить с камнем. Но сегодня ей хотелось глупостей. Хотелось чуда. Хотелось, чтобы что-то произошло. Что-то настоящее. Не операции. Не дежурства. Не обязанности. Что-то – только для неё.

Она положила ладонь на камень целиком. Закрыла глаза. Подумала: «Если ты волшебный – покажи мне что-нибудь. Что угодно. Даже просто сон. Даже просто знак».

И в этот момент – всё изменилось.

Не сразу. Сначала – тепло. Сильное, почти обжигающее. Потом – вибрация. Под ладонью, под ногами, в воздухе. Потом – свет. Яркий, белый, слепящий, как вспышка рентгена, только без звука. Она хотела отдернуть руку – но не смогла. Как будто её приклеило. Как будто камень втягивал её внутрь.

– Что... – начала она, но не договорила.

Мир закрутился. Завертелся. Зашумел – не ветром, не птицами, а чем-то другим. Глубоким. Древним. Живым. Она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Как воздух становится гуще. Как время... ломается.

Она не кричала. Не паниковала. Врач. Рефлексы. Даже в панике – анализ. Даже в страхе – контроль. Она думала: «Обморок? Галлюцинация? Инсульт?» – но понимала – нет. Это не болезнь. Это – переход.

Потом – тьма.

Короткая. Резкая. Как выключенный свет в операционной.

А потом – удар.

Она упала. На что-то мягкое. Мох? Трава? Листья? Не знала. Открыла глаза.

Небо – другое. Не московское. Не серое. Глубокое. Синее. С облаками – не плоскими, а объёмными, как в детских книжках. Воздух – не с выхлопами, а с запахом сосны, сырой земли и чего-то сладкого – может, цветов? Но ведь ещё ранняя весна...

Она села. Осмотрелась.

Лес – тот же? Нет. Совсем не тот. Деревья выше. Толще. Стволы – как колонны храма. Ветви – сплетены, как руки великанов. Тишина – не городская, а настоящая. Глубокая. Почти священная. Ни машин. Ни людей. Ни телефонов. Только ветер. Только птицы. Только... она.

– Где я? – прошептала она.

Голос прозвучал чужим. Тихим. Испуганным. Она не любила, когда она такая. Встала. Покачнулась. Голова кружилась. Колени дрожали. Но она держалась. Врач. Держись. Анализируй. Дыши.

Одела туфли. Осмотрела себя. Платье – офисное, чёрное, с мелким горошком. Колготки – порваны на колене. Часы – на месте. Телефон – в сумке. Достала. Экран – чёрный. Не включается. Ни сети. Ни зарядки. Ничего.

– Отлично, – сказала она. – Просто отлично.

Но не запаниковала. Не заплакала. Не стала кричать. Потому что знала: паника – худший помощник в экстремальной ситуации. Первое – вода. Второе – ориентир. Третье – укрытие. Четвёртое – пища. Пятый – люди. Шестое – план.

Она пошла. Не зная куда. Просто – вперёд. По тропинке, которая, кажется, была протоптана не людьми, а зверями. Шла медленно. Осматривалась. Запоминала. Приметы. Звуки. Запахи.

Через двадцать минут – услышала шорох. Не ветра. Не птиц. Не листьев. Шорох – большой. Тяжёлый. Живой.

Остановилась. Затаила дыхание.

Из-за деревьев вышел зверь. Не волк. Не медведь. Что-то среднее. С шерстью, как у лося, но с клыками, как у кабана. Глаза – жёлтые. Маленькие. Злые. Он увидел её. Остановился. Понюхал воздух. Зарычал – низко, угрожающе.

Снежана не двинулась. Не побежала. Не закричала. Знала: бегство – провокация. Крик – слабость. Она стояла. Смот-

рела ему в глаза. Медленно, очень медленно, опустила руку в сумку. Нашла баллончик с перцовым спреем – всегда носила с собой. Спасибо, инстинкт самосохранения.

Зверь шагнул вперёд. Ещё один. Ещё.

Она вытащила баллончик. Сняла крышку. Прицелилась.

– Иди сюда, урод, – прошептала она.

Зверь прыгнул.

Она нажала на кнопку.

Струя ударила ему прямо в морду. Он взвыл – не по-звериному, а почти по-человечески. Закрутился, зарычал, застонал – и бросился прочь, ломая ветки.

Снежана опустила руку. Дышала часто. Сердце колотилось. Но руки – не дрожали. Она улыбнулась. Слабо. Горько.

– Ну что, доктор Егорова, – сказала она себе. – Поздравляю. Ты официально сошла с ума. Или попала в другой мир. Что, в общем-то, одно и то же.

Она пошла дальше. Быстрее. Теперь уже не просто так – а с целью. Найти людей. Найти дорогу. Найти ответы.

Через час – услышала звук. Металлический. Лязгающий. Как будто кто-то тащил по камням железо. Щит? Меч? Броня?

Она замерла. Притаилась за деревом. Выглянула.

По тропе шёл человек.

Высокий. Широкий. В доспехах – не театральных, не киношных, а настоящих. Потрёпанных. Покрытых царапинами и пятнами, похожими на кровь. На плече – топор. На поясе

– нож. На лице – шрам. От брови до подбородка. Волосы – светлые, почти белые, заплетены в косу. Глаза – серые, как зимнее небо. Холодные. Опасные.

Он шёл медленно. Осматривался. Как хищник. Как охотник.

Снежана затаила дыхание. Не шевелилась. Не дышала. Но – он повернул голову. Посмотрел прямо на неё.

Их взгляды встретились.

Он не удивился. Не испугался. Не улыбнулся. Просто – пошёл к ней.

Она не побежала. Не спряталась. Не закричала. Потому что знала – бесполезно. Он бы догнал. Он бы нашёл. Он бы – сделал что-то.

Он остановился в двух шагах. Оглядел её – с ног до головы. Платье. Туфли. Сумка. Волосы. Лицо. Глаза.

– Кто ты? – спросил он. Голос – низкий. Грубый. Без эмоций. Как у человека, который давно забыл, как говорить мягко.

Она открыла рот. Хотела ответить. Но язык не слушался. Не потому что испугалась. А потому что... она понимала слова. Не переводила. Не догадывалась. Понимала. Как родные.

– Я... – начала она. – Снежана. Я врач.

Он нахмурился.

– Врач? Знахарка?

– Почти, – кивнула она. – Я лечу людей.

Он фыркнул. Коротко. Презрительно.

– Здесь лечат только травы. Или клинки.

Он схватил её за руку. Крепко. Не больно – но так, что вырваться было невозможно.

– Ты – шпионка? Ведьма? Или просто дура, которая заблудилась?

– Ни то, ни другое, ни третье, – ответила она, глядя ему в глаза. – Я просто... не отсюда.

Он прищурился. Долго смотрел. Потом – резко потянул за собой.

– Пойдёшь со мной. Разберёмся в лагере.

Она не сопротивлялась. Не потому что смирилась. А потому что поняла – это шанс. Единственный. Пока он думает, что она «что-то», – она жива. Пока он ведёт её – она не одна. Пока он говорит – она учится.

Она шла за ним. По лесу. По тропе. Под деревьями, которые шептали что-то на языке, который она почему-то понимала. За спиной – шум реки. Впереди – дым костра. Где-то – люди. Где-то – ответы.

Она не знала, кто он. Не знала, куда идёт. Не знала, что будет дальше.

Но знала одно – она не сломается. Не сдастся. Не испугается.

Потому что Снежана Егорова – не та, кто сдаётся.

Даже если мир вокруг неё – не её мир.

Даже если мужчина, который держит её за руку, – не че-

ловек, а призрак.

Даже если всё это – сон.

Она будет идти. Пока может. Пока дышит. Пока сердце бьётся.

Потому что она – врач.

А врачи не бросают своих пациентов.

Даже если пациент – она сама.

Глава 2. Воин с севера

Он шёл быстро. Очень быстро. И Снежана, несмотря на каблуки, которые она всё-таки снова сняла и несла в руке, еле поспевала за ним. Лес вокруг становился гуще, воздух – влажнее, а звуки – тише, будто деревья сговаривались между собой, чтобы не выдать их путь. Она не спрашивала, куда они идут. Не просила остановиться. Не жаловалась. Просто шла. Шаг за шагом. Дышала ровно. Смотрела под ноги – чтобы не споткнуться. Смотрела вперёд – чтобы не потерять его из виду. Смотрела внутрь – чтобы не потерять себя.

Он не оглядывался. Не смягчал хватку. Не разговаривал. Только иногда – поворачивал голову в сторону, принимавался, как зверь, чующий опасность. И каждый раз Снежана замирала – не от страха, а от напряжения. Потому что понимала: если он насторожился – значит, где-то рядом что-то есть. Что-то, что может убить. А она – без оружия. Без защиты. Без понятия, как здесь выживать.

Но странное дело – внутри не было паники. Было... любопытство. Живое, острое, как скальпель. Она смотрела на его спину – широкую, покрытую потёртой кожаной кирасой, подбитой металлическими пластинами. На косу, которая болталась между лопаток, как хвост дикого коня. На шрам – грубый, белый, как молния, рассекающий лицо от лба до подбородка. На руки – большие, с мозолями, с поре-

зами, с грязью под ногтями. Это были руки человека, который знает, что такое боль. И не боится её. Ни своей. Ни чужой.

– Кто ты? – наконец спросила она, когда поняла, что если не заговорит сейчас – замолчит навсегда.

Он не ответил. Просто шёл.

– Я спросила, кто ты, – повторила она, чуть громче, но без вызова. Без истерики. Как врач, который задаёт вопрос пациенту, чтобы понять, в сознании ли он.

Он остановился. Резко. Так резко, что она чуть не врезалась в него спиной. Повернулся. Посмотрел на неё сверху вниз. Его глаза – серые, холодные, как лёд на северной реке – впились в неё. Не злые. Не добрые. Просто... оценивающие.

– Гонор, – сказал он. Одно слово. Короткое. Твёрдое. Как удар топора по дереву.

– Гонор, – повторила она, запоминая. – А откуда ты?

– С севера. Из Каменного Клыка.

Она кивнула. Не знала, где это. Но запомнила. Каменный Клык. Звучит, как название места, где выживают только самые жестокие. Или самые сильные.

– А ты? – спросил он, и в его голосе впервые промелькнуло что-то – не интерес, нет, а скорее... осторожность. – Ты откуда? И зачем здесь?

Она вздохнула. Опустила туфли на землю. Потёрла пальцами виски – голова ещё не до конца пришла в себя после перехода. Или после спрея. Или после всего сразу.

– Я... из другого места. Очень далёкого. Я не знаю, как сюда попала. Прикоснулась к камню – и вот я здесь. В платье. С телефоном, который не работает. И с нулевым пониманием, где я и что со мной будет.

Он молчал. Смотрел. Не верил. Но не отрицал. Просто... впитывал. Как губка. Как воин, который привык слушать, а не говорить.

– Ты – ведьма? – спросил он наконец.

Она фыркнула. Не смогла сдержаться.

– Если бы я была ведьмой, я бы уже превратила тебя в лягушку за то, что таскаешь меня за руку, как мешок с картошкой.

Он не улыбнулся. Но в уголке глаза – дрогнуло. Почти незаметно. Почти как улыбка. Почти как человек.

– Знахарки с юга не говорят так, – сказал он.

– Я не с юга. И не знахарка. Я врач. Хирург. Я разрезаю людей, чтобы их спасти. Зашиваю. Лечу. Колю. Кормлю таблетками. Ставлю капельницы. Знаешь, что это?

Он покачал головой.

– Нет. Но ты – не врешь. Глаза не врут.

Она почувствовала – это комплимент. Суровый. Мужской. Без цветов и улыбок. Но – комплимент.

– Спасибо, – сказала она.

Он кивнул. Снова схватил её за руку – но уже не так грубо. Почти... бережно. И пошёл дальше.

Они шли ещё около часа. Лес начал редеть. Появились

следы – не звериные, а человеческие. Кострища. Обломки стрел. Пятна, похожие на кровь. Снежана морщилась – привычка. Врач. Всё анализирует. Всё запоминает. Всё классифицирует.

– Ты охотишься? – спросила она.

– Да.

– На кого?

Он остановился. Обернулся. Посмотрел на неё долго. Потом – снял с плеча топор. Поднёс к её лицу. Не угрожая. Просто... показывая.

На лезвии – шерсть. Густая. Серая. С желтоватым отливом. Та самая, что была у зверя, напавшего на неё.

– На него, – сказал Гонор. – Зверь-оборотень. Не совсем зверь. Не совсем человек. Живёт в лесу. Убивает путников. Пьёт кровь. Боится огня. И железа. И... женщин.

– Почему женщин?

– Потому что они – сильнее. Внутри. Не телом. Душой. Он чувствует. И боится.

Она кивнула. Не стала спорить. Не стала смеяться. Потому что видела этого зверя. И знала – он не из её мира. А значит, здесь – возможно всё. Даже оборотни.

– Ты его убил?

– Нет. Ранил. Ушёл. Вернётся. Они всегда возвращаются.

Он снова двинулся вперёд. Она – за ним.

Через полчаса – увидели дым. Не густой. Не чёрный. Белый. Лёгкий. От костра. И запах – жареного мяса. Дров. По-

та. Жизни.

– Лагерь? – спросила она.

– Мой, – ответил он.

Они вышли на небольшую поляну. Посередине – костёр. Рядом – палатка из грубой кожи и дерева. У костра – котелок, вертел, кинжал, вонзённый в землю, и... ещё один человек. Молодой. Лет двадцати. С веснушками. С ухмылкой.

– Ну наконец-то! – крикнул он, увидев Гонора. – Я уж думал, ты сгинул, как прошлый раз в Болотах Теней! А это... кто? – Он уставился на Снежану. Открыто. Без стеснения. – Красивая. Южанка? Или...?

– Заткнись, Рейн, – бросил Гонор, отпуская её руку. – Она – не твоя игрушка.

– Я и не собирался! – засмеялся парень. – Просто... откуда она? В таком платье? И с такой... – он махнул рукой в воздухе, – ...аурой?

– Она – врач. Попала сюда случайно. Будет с нами, пока не разберёмся.

– Ого! – Рейн подскочил, подошёл ближе. – Значит, ты умеешь лечить? Настоящие раны? Не заговорами, а... как?

– Я умею шить. Чистить. Обеззараживать. Останавливать кровь. Снимать температуру. Лечить инфекции. Если есть нужные травы – могу сделать почти всё.

Рейн широко улыбнулся.

– Гонор, ты нашёл клад!

Гонор не ответил. Просто сел у костра. Снял наручи. По-

тянулся – и тут Снежана увидела: на его боку – свежая рана. Глубокая. Грязная. С признаками воспаления. Она аж зубами скрипнула – врачебный рефлекс.

– Ты ранен, – сказала она.

– Видишь, – буркнул он, не глядя.

– Дай посмотреть.

– Не надо.

– Не спорь. Я врач. Это не просьба. Это – приказ.

Он резко повернул голову. Посмотрел на неё. Глаза – ледяные. Губы – сжаты. Он явно не привык, чтобы ему приказывали. Особенно – женщины. Особенно – в платье.

Но она не отвела взгляд. Не сникла. Не извинилась. Просто стояла. Спокойно. Уверенно. Как в операционной, когда ассистент начинает паниковать.

– Покажи, – повторила она.

Он молчал. Потом – медленно, неохотно – снял кирасу. Потом – рубаху. Обнажил торс. Шрамы. Мышцы. Грязь. И – рану. Длинную. Глубокую. С гноем по краям.

Снежана сглотнула. Не от отвращения. От азарта. От желания – помочь. Вылечить. Спасти.

– Рейн, – сказала она, не отрывая глаз от раны. – Нужна кипячёная вода. Чистая ткань. И... что-нибудь острое. Нож. Иглу. Что угодно. И травы – ромашка, зверобой, дубовая кора. Есть?

Рейн мигнул.

– Э-э... есть кипяток. Тряпки – есть. Нож – вот. Травы...

– он полез в мешок. – Есть зверобой. И чистотел. И... это, вроде, дуб.

– Достаточно, – кивнула она. – Гонор, сядь. И не двигайся.

Он сел. Не спорил. Не сопротивлялся. Просто... сдался. Как будто понял: с ней – бесполезно.

Она опустилась перед ним на колени. Взяла нож. Продезинфицировала в кипятке. Потом – в огне. Потом – снова в воде. Он смотрел на неё. Молча. Внимательно. Как на загадку.

– Это будет больно, – предупредила она.

– Я знаю, что такое боль, – ответил он.

Она кивнула. И начала.

Сначала – очистка. Она аккуратно, но твёрдо срезала мёртвую ткань. Он не дрогнул. Не вздрогнул. Не издал ни звука. Только пальцы впились в землю. И челюсть сжала так, что побелели скулы.

Потом – промывание. Тёплый настой зверобоя. Он дёрнулся – но не от боли. От неожиданности. Потому что тепло – всегда больнее, чем холод.

– Терпи, – сказала она.

Он кивнул. Молча.

Потом – швы. Она использовала тонкую нить от своей блузки – прочную, стерильную. Иглу – от булавки, которую нашла в сумке. Шила быстро. Чётко. Как в госпитале. Он смотрел на её руки. На движения. На сосредоточенное лицо. На капли пота на виске.

– Ты... не из этого мира, – сказал он вдруг.

– Уже говорила, – ответила она, не отрываясь от работы.

– Ты... не боишься.

– Боюсь. Просто не показываю.

– Почему?

– Потому что, если я начну бояться – я перестану быть врачом. А врач – это то, кем я есть. Даже здесь. Даже сейчас.

Он молчал. Долго. Потом – тихо:

– Ты... сильная.

Она улыбнулась. Не широко. Не радостно. А с горечью. С усталостью.

– Сильной быть не выбирают. Сильной становятся, когда другого выхода нет.

Она закончила швы. Перевязала рану чистой тканью. Нанесла мазь из зверобоя и чистотела. Отступила.

– Готово. Не мочи. Не рви. Через три дня – сниму швы. Если не загноится – заживёт без следа. Почти.

Он посмотрел на неё. Долго. Внимательно. Потом – кивнул.

– Спасибо.

Она моргнула. Не ожидала. Не ждала. Но... приятно.

– Не за что. Это моя работа.

– Здесь – не было такой работы. Ни разу.

Рейн, который всё это время стоял и смотрел, как заворожённый, вдруг захлопал в ладоши.

– Вау! Это... это было как в легендах! Ты – настоящая

волшебница! Только без заклинаний!

– Я не волшебница, – сказала Снежана, устало вытирая руки. – Я просто знаю, как устроен человек. И как его починить.

– Но ты не знаешь, как устроен этот мир, – сказал Гонор, натягивая рубаху. – А здесь – многое устроено иначе.

– Тогда научи, – сказала она, садясь у костра. – Расскажи. Пока я не усну. Пока не сошла с ума. Пока не умерла от голода или холода.

Он посмотрел на неё. Потом – на Рейна.

– Дай ей еды. И шкуру. Пусть спит рядом с костром.

– А завтра? – спросил Рейн.

– Завтра... – Гонор посмотрел на Снежану. – Завтра она пойдёт со мной. К князю. В Вергард. Пусть решают, кто она – ведьма, целительница... или ключ.

– Ключ? – переспросила она.

– Ключ к чему? – спросил Рейн.

Гонор не ответил. Просто встал. Накинул плащ. Пошёл к палатке.

– Спать, – бросил через плечо.

Снежана сидела у костра. Ела – тушёное мясо, какое-то зерно, травяной настой. Грелась. Думала.

Она не знала, что её ждёт. Не знала, кто этот Гонор – враг, защитник, случайный спутник. Не знала, что за «ключ». Но знала одно – она сделала первый шаг. Не назад. Не в сторону. А – вперёд. В неизвестность. С мужчиной, который не

улыбается. Не говорит лишнего. Но... сказал «спасибо».

И это – уже много.

Она улеглась на шкуру. Завернулась. Посмотрела на звёзды – другие, незнакомые, но такие же яркие. Закрыла глаза.

Последняя мысль перед сном:

«Я не одна. Пока он рядом – я не одна».

И это – уже победа.

Глава 3. Первая перевязка

Утро началось не с будильника, не с кофе, не с привычного «опять вставать» – а с холода. Пронзительного, влажного, въедливого, как старая обида. Снежана открыла глаза и сразу поняла – она не дома. Не в своей квартире с мягким одеялом и тёплыми носками. Не в больничной дежурке с гудящим кондиционером и запахом антисептика. Она – в лесу. На шкуре. Под открытым небом. Рядом – потухший костёр, спящий Рейн, храпящий, как пила по сырому дереву, и... Гонор. Он уже был на ногах. Стоял у края поляны, спиной к ней, смотрел в лес. Как статуя. Как страж. Как человек, который не спит – просто отдыхает между боями.

Она села. Потянулась. Плечи ныли – от вчерашнего напряжения, от непривычной земли под спиной, от того, что тело всё ещё не поняло, где оно и зачем. В голове – туман. Не похмельный. А... переходный. Как будто мозг ещё не до конца переключился с «реальности» на «эту реальность». Она потёрла виски. Вздохнула. Посмотрела на руки – грязные. На платье – помятое, в траве, с пятнами зверобоя. На ноги – босые, в царапинах. Ну что ж. Новый день. Новая жизнь. По крайней мере – пока.

– Ты проснулась, – сказал Гонор, не оборачиваясь.
– Впечатлительный, – пробормотала она, натягивая туфли
– не для ходьбы, а просто чтобы не мерзли пальцы.

Он повернулся. Посмотрел на неё. Взгляд – всё тот же: холодный, оценивающий, но... чуть мягче. Видимо, швы на его боку не болели так, как могли бы. А может, он просто не умел жаловаться.

– Ешь, – бросил он, кидая ей кусок вчерашнего мяса, завёрнутый в лист. – Потом – идём.

– Куда? – спросила она, разворачивая лист и вдыхая аромат – дымный, пряный, совсем не больничный.

– В Вергард. К князю. Ты – целительница. Значит, тебе место при дворе. Или в темнице. Решат они.

Она кивнула. Не спорила. Не просила остаться. Потому что знала – здесь, в лесу, она не выживет одна. Не потому что слабая. А потому что не знает правил. Не знает опасностей. Не знает, где брать воду, как отличить съедобный гриб от ядовитого, как спрятаться от оборотня. А с ним – хоть шанс.

– А ты? – спросила она, жуя мясо. – Зачем тебе идти со мной?

Он помолчал. Потом – подошёл ближе. Присел на корточках рядом. Так близко, что она почувствовала запах – дыма, пота, кожи, и чего-то ещё... древесного. Мужского. Живого.

– Я – наёмник, – сказал он тихо. – Ищу работу. У князя – хорошие деньги. За защиту. За убийства. За молчание. Ты – моя находка. Целительница, которая шьёт без заговоров – редкость. Значит, я представлю тебя. Получу награду. И контракт.

Она посмотрела на него. Не обиделась. Не разозлилась.

Потому что это – честно. Он не притворяется, что ведёт её из доброты. Он – воин. Он – выживает. Как и она.

– Значит, я – товар, – сказала она, не без иронии.

– Нет, – ответил он, и в его голосе – впервые – прозвучало что-то твёрдое. Не холодное. А... настоящее. – Ты – человек. Но в этом мире люди – либо оружие, либо щит, либо валюта. Выбирай, кем быть.

Она кивнула. Медленно. Потом – улыбнулась. Слабо. Горько.

– Тогда я – щит. Для тех, кто не может защищаться сам.

Он посмотрел на неё долго. Потом – кивнул. Встал. Подал ей руку. Она взяла. Не потому что не могла встать сама. А потому что... захотела. Его ладонь – грубая, тёплая, с мозолями и шрамами – сжала её пальцы. Ненадолго. Но крепко.

– Собирайся, – сказал он. – Через час – выходим.

Они шли весь день. Лес постепенно сменился холмами, потом – тропами, потом – дорогой – утоптанной, грязной, с колеями от телег и следами копыт. Иногда – встречали людей. Крестьян. Торговцев. Солдат. Все – сторонились Гонора. Смотрели на него с опаской. На неё – с любопытством. Особенно – на платье. На туфли. На волосы, собранные в хвост – здесь, видимо, носили косы или платки.

– Ты привлекаешь внимание, – проворчал он, заметив, как очередная женщина в платке таращится на Снежану.

– А ты – нет? – усмехнулась она. – Шрам, топор, взгляд убийцы... Ты – ходячая легенда ужасов.

Он не ответил. Но уголок губ – дрогнул. Почти улыбка. Почти.

К полудню – остановились у ручья. Попили воды. Перекусили сушёным мясом и травяными лепёшками, которые дал Рейн на прощание. Снежана помыла руки – тщательно, как в операционной. Гонор смотрел.

– Ты всегда так? – спросил он.

– Как?

– Моешь руки, будто собираешься кого-то резать.

– А я и собираюсь, – ответила она. – Всегда. Потому что руки врача – это его главный инструмент. И если они грязные – человек умрёт не от раны, а от заразы. Здесь – особенно. Нет антибиотиков. Нет стерильных перчаток. Нет даже мыла нормального. Значит – надо быть вдвое чище.

Он кивнул. Запомнил. Не потому что поверил. А потому что... доверился.

После обеда – пошёл дождь. Мелкий. Надоедливый. Промозглый. Снежана сразу промокла – платье не предназначено для походов. Гонор скинул плащ – грубый, из оленьей кожи, пропитанный дымом и жиром – и накинул ей на плечи.

– Не надо, – сказала она. – Сам промокнешь.

– Я – северянин. Для меня это – как утренний туман. Найдень.

Она не стала спорить. Накинула. Плащ был тяжёлый. Пах дымом и им – резко, мужественно, как будто сама ткань хранила его тепло. Она укуталась. Почувствовала – не только

тепло. А... защищённость. Как будто этот плащ – не просто тряпка, а щит. Его щит.

– Спасибо, – сказала она тихо.

– Не за что, – буркнул он. – Просто не хочу, чтобы ты заболела. Больная знахарка – бесполезна.

Она улыбнулась. Знала – это его способ сказать «я забочусь».

К вечеру – дождь кончился. Небо очистилось. Показалось солнце – слабое, весеннее, но всё же солнце. Они вышли на холм – и увидели его.

Вергард.

Город на холме. С каменными стенами. С башнями. С флагами. С дымом из труб. С жизнью. Настоящей, шумной, пахнущей хлебом, навозом, железом и специями. Снежана замерла. Сердце заколотилось – не от страха. От... надежды. Там – люди. Там – знания. Там – ответы. Может быть – даже путь домой.

– Вот он, – сказал Гонор. – Не такой, как в твоём мире?

– Нет, – прошептала она. – Совсем не такой. Но... красивый.

Он посмотрел на неё. Потом – на город. Потом – снова на неё.

– Там – не всё так, как кажется. Особенно для чужаков. Особенно – для женщин. Особенно – для тех, кто не знает правил.

– Я умею учиться, – сказала она. – Быстро.

– Тогда слушай, – он повернулся к ней полностью. Голос – тихий, но твёрдый. – Не говори, откуда ты. Не показывай телефон. Не рассказывай про «антибиотики». Не спорь с магами. Не смотри в глаза страже. Не ешь ничего, что тебе не дали сами. Не выходи одна. Не улыбайся незнакомым мужчинам. И... – он замялся. – Если что-то пойдёт не так – кричи. Я услышу.

Она кивнула. Серьёзно. Без иронии.

– Я запомню.

Они спустились с холма. Подошли к воротам. Стража – в кольчугах, с копьями – сразу заслонила дорогу.

– Кто такие? Цель?

Гонор шагнул вперёд.

– Гонор из Каменного Клыка. Наемник. Привёл целительницу. Без магии. С просьбой к князю.

Стражи переглянулись. Один – ткнул пальцем в Снежану.

– Это – южанка? Или...?

– Она – не ведьма, – сказал Гонор. – Она – врач. Лечит руками. Не словами.

Страж фыркнул.

– Ну, посмотрим. Князь как раз ищет таких. После последнего... инцидента.

Они пропустили их. Ворота скрипнули. Город поглотил их – шумом, запахами, толпой, взглядами.

Снежана шла рядом с Гонором. Крепко держала сумку. Не оглядывалась. Не пялилась. Дышала ровно. Анализиро-

вала. Запоминала. Как в первый день в новой больнице – всё чужое, всё новое, всё – потенциально опасное.

– Куда теперь? – спросила она, когда они оказались на центральной площади – мощёной, с фонтаном, с лавками, с криками торговцев.

– Во дворец, – ответил он. – Там – решат твою судьбу.

– А твою?

– Мою – я решаю сам.

Они пошли по узкой улочке – вверх, к замку, возвышающемуся над городом, как корона. По дороге – Снежана заметила: на стенах – символы. Те же, что на камне, через который она попала сюда. Узоры. Руны. Круги. Она замедлила шаг. Вгляделась.

– Что там? – спросил Гонор.

– Эти знаки... – она указала на стену. – Ты их видел?

Он посмотрел. Кивнул.

– Да. На башнях Ордена. На печатях князя. На... моей броне.

Она резко повернулась к нему.

– На твоей броне?

– Да. Сзади. Под плащом. Символ Камня Времени. Говорят, он защищает от проклятий. Или... открывает двери.

Она почувствовала – мурашки по спине. Не от страха. От... узнавания. От связи. От того, что всё – не случайно. Камень. Портал. Он. Эти знаки. Это – не совпадение. Это – путь.

– Покажи, – сказала она.

Он остановился. Огляделся. Потом – снял плащ. Развернул броню. На внутренней стороне – выгравирован знак. Тот самый. Точный. До мельчайшей линии.

Снежана провела пальцем по металлу. Сердце билось, как бешеное.

– Это... тот же, что на камне, – прошептала она.

– Ты его знаешь? – спросил он, нахмурившись.

– Я... через него сюда попала.

Он замер. Посмотрел на неё. Глаза – уже не холодные. А... ошеломлённые.

– Значит... ты – не просто врач.

– А кто?

– Тот, кого ждали. Или... боялись.

Она не ответила. Потому что не знала ответа. Но знала – теперь у неё есть зацепка. Символ. Связь. Нить. И она – не отпустит её.

– Пошли, – сказала она, натягивая плащ обратно на его плечи. – Пора встретиться с князем. И узнать – зачем я здесь. По-настоящему.

Он кивнул. Взял её за локоть – не грубо, а... бережно. Как будто боялся, что она исчезнет. Как будто чувствовал – что-то меняется. Между ними. В мире. В судьбе.

Они поднялись на последнюю ступень. Остановились у ворот дворца – высоких, кованых, с тем же символом на створках.

Снежана глубоко вдохнула.

– Готова? – спросил он.

– Нет, – честно ответила она. – Но это никогда не останавливало меня.

Он кивнул. Постучал.

Ворота скрипнули.

И открылись.

Глава 4. Дорога на юг

Дворец князя Вергарда оказался не золотым, не мраморным, не с хрустальными люстрами и бархатными драпировками, как в кино – а... живым. Настоящим. С каменными полами, протоптанными за столетия, с гобеленами, выцветшими от времени, с запахом воска, кожи, старого дерева и чего-то сладковатого – может, благовоний, а может, просто пыли, пропитанной веками. Снежана шла рядом с Гонором по длинному коридору, чувствуя, как по спине ползут десятки взглядов – слуг, стражей, придворных. Все смотрели на неё – на платье, на туфли, на волосы, на лицо. Как на диковинку. Как на загадку. Как на потенциальную угрозу.

Гонор шёл впереди – широкий, молчаливый, как скала. Его присутствие открывало двери. Его взгляд – заставлял отводить глаза. Он не говорил много – но каждое его слово здесь имело вес. «Целительница без магии», – сказал он у ворот. И этого было достаточно, чтобы их провели к канцлеру – высокому, худому мужчине в тёмно-синей мантии с вышитыми серебряными нитями символами – теми же, что на броне Гонора и на камне, через который она попала сюда. Снежана запомнила каждый завиток. Каждую линию. Это было важно. Очень важно.

Канцлер смотрел на неё долго. Взвешенно. Как на товар на аукционе. Потом – задал три вопроса:

– Откуда ты?

– Издалека. Из места, которого нет на ваших картах.

– Чем лечишь?

– Знаниями. Руками. Травами. Чистотой.

– Почему не используешь магию?

– Потому что не умею. И не нуждаюсь.

Он кивнул. Не улыбнулся. Не нахмурился. Просто... принял.

– Князь болен, – сказал он. – У него – жар. Рана на ноге. Целители с заговорами не помогают. Маги – боятся трогать. Если ты вылечишь его – получишь дом. Еду. Защиту. И... свободу передвижения. Если нет – отправим в лес. Пусть оборотни решают, ведьма ты или нет.

Снежана не испугалась. Не запаниковала. Просто кивнула.

– Покажите мне князя.

Князь лежал в постели – широкой, с балдахином, с мехами, с запахом пота, гнили и дорогих масел. Лицо – бледное, с синевой под глазами. Дыхание – хриплое. На ноге – глубокая рана, покрытая чёрной коркой и гноем. Снежана подошла. Не спрашивая разрешения. Не оглядываясь. Просто – как врач. Как всегда.

– Вода. Кипячёная. Много. Тряпки. Чистые. Нож. Острый. Иглу. Нить. И – зверобой, ромашку, дубовую кору. Быстро.

Слуги замерли. Посмотрели на канцлера. Тот – кивнул.

Через пять минут всё было принесено.

Снежана сняла туфли. Закатала рукава. Вымыла руки – тщательно, как в операционной. Потом – подошла к князю.

– Ваше сиятельство, – сказала она твёрдо, – сейчас будет больно. Но если не очистить рану – вы умрёте. Через три дня. Максимум.

Князь открыл глаза. Посмотрел на неё. Глаза – мутные. Но... живые.

– Ты – не из этого мира, – прохрипел он.

– Да, – ответила она. – Но я знаю, как вас спасти. Доверьтесь мне.

Он кивнул. Закрыв глаза.

Она начала.

Сначала – очистка. Срезала мёртвую ткань. Гной. Гниль. Он стонал. Скрежетал зубами. Но не кричал. Не просил остановиться. Гонор стоял у изголовья – молча. Смотрел. Как будто впитывал каждый её жест. Каждое движение. Каждое слово.

Потом – промывание. Тёплым настоем. Он дёрнулся – но стиснул зубы.

Потом – швы. Тонкой нитью. Аккуратно. Быстро. Как в госпитале.

Потом – повязка. С мазью из зверобоя и дубовой коры.

Потом – укол жаропонижающего – из своего аптечного набора, который, чудом, остался в сумке. Она не объясняла, что это. Просто сделала. Под кожу. Быстро. Чётко.

– Через три дня – сниму швы, – сказала она, отступая. – Пейте настой ромашки. Не вставайте. Не ешьте тяжёлого. И – не трогайте повязку.

Князь открыл глаза. Посмотрел на неё. Потом – на канцлера.

– Оставьте её во дворце. В башне знахарей. Пусть смотрит за мной. И... за другими.

Канцлер кивнул.

– Сделано.

Снежана перевела дух. Не улыбнулась. Не расслабилась. Просто... знала – первый бой выигран. Но война – только начинается.

На следующий день её поселили в маленькой комнате в башне – с окном, с кроватью, с водой, с огнём в камине. Дали простую одежду – рубаху, юбку, фартук. Забрали платье – «слишком броско». Туфли – оставили. «Пусть будут – как напоминание, откуда ты».

Она не спорила. Просто переделась. Помылась. Расчесала волосы. Посмотрела в зеркало – круглое, бронзовое, с трещиной посередине. Отражение – уставшее. Но... живое. Настоящее. Не больничное. Не московское. Но – её.

В дверь постучали. Она открыла. Гонор.

– Ну? – спросил он. – Жива?

– Пока да, – усмехнулась она. – А ты? Получил контракт?

– Да. Стража князя. Месяц. Потом – посмотрим.

– А меня – оставили. Пока князь не встанет.

– Ты хорошо поработала.

– Я всегда хорошо работаю.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом – шагнул вперёд. Закрыл дверь за собой. Подошёл ближе.

– Ты... не боишься?

– Боюсь, – честно ответила она. – Но не показываю. Потому что, если я начну бояться – я перестану быть собой. А я – врач. Даже здесь. Даже сейчас.

Он кивнул. Помолчал. Потом – тихо:

– Ты... сильная.

– Ты уже говорил это.

– Я... повторяю. Когда нужно.

Она улыбнулась. Слабо. Но – искренне.

– Спасибо.

Он не ответил. Просто стоял. Рядом. Близко. Не касаясь. Но – присутствуя. Как будто давая понять – она не одна. Даже здесь. Даже среди чужих. Даже во дворце.

– Я буду рядом, – сказал он. – Если что – кричи. Я услышу.

– Обязательно, – кивнула она.

Он ушёл. Не оглядываясь. Но она знала – он будет рядом. Не потому что нанят. А потому что... выбрал.

Дни шли. Князь выздоравливал – медленно, но верно. Снежана лечила и других – слуг, стражей, даже пару раз – детей из города, которых приводили сюда тайком, потому что «знахарка без магии» – редкость, почти чудо. Она не отказывала. Лечила всех. Бесплатно. За еду. За информацию. За...

человечность.

Гонор часто заходил. Иногда – просто проверить, жива ли. Иногда – принести травы, которые нашёл в лесу. Иногда – молча посидеть у камина, пока она шьёт или пишет в дневник (карандашом, на клочках пергамента, которые выпросила у писаря).

Однажды вечером – после особенно тяжёлого дня, когда она спасла ребёнка с воспалением лёгких, а потом – старика с гангреной – она сидела у окна, смотрела на закат и... плакала. Тихо. Без всхлипов. Просто – слёзы. От усталости. От одиночества. От того, что никто не обнял. Не сказал «молодец». Не предложил чай.

Дверь открылась. Она не обернулась. Думала – слуга.

– Уходи, – сказала она. – Я... занята.

Шаги. Тяжёлые. Знакомые.

Она обернулась.

Гонор.

Он подошёл. Молча. Сел рядом. Не спрашивал. Не утешал. Просто... был рядом.

– Ты... видел? – прошептала она. – Ребёнка... я спасла. А старик... нет. Я не смогла. Здесь... нет антибиотиков. Нет аппаратов. Нет... ничего.

Он молчал. Потом – положил руку на её ладонь. Не сжал. Не погладил. Просто – прикрыл. Как щитом.

– Ты сделала всё, что могла. Больше – никто бы не сделал. Ни маг. Ни знахарь. Ни бог.

Она посмотрела на него. В глазах – слёзы. В голосе – дрожь.

– А если... этого недостаточно?

– Тогда ты сделаешь больше. Потому что ты – не сдаёшься. Потому что ты – Снежана.

Она не ответила. Просто... прижалась головой к его плечу. Не романтично. Не страстно. А... по-человечески. Как человек – к человеку. Как уставшая – к тому, кто понимает.

Он не отстранился. Не обнял. Просто... сидел. Держал её руку. Дышал ровно. Как будто давая ей время. Пространство. Тепло.

– Спасибо, – прошептала она.

– Не за что, – ответил он. – Просто... не плачь одна.

Через неделю князь встал. Первым делом – вызвал Снежану.

– Ты спасла мне жизнь, – сказал он. – Значит – ты под защитой. Оставайся во дворце. Станешь главной знахаркой. Получишь комнату. Еду. Слуг. И... право ходить, куда хочешь. В пределах города.

Она поклонилась. Не стала благодарить. Просто сказала:

– Я останусь. Пока не найду ответы.

Он кивнул. Понял. Не стал спрашивать – какие.

Но дворец – не место для свободы. Особенно – для женщины. Особенно – для чужестранки. Особенно – для той, кто не гнётся. Снежана чувствовала – на неё смотрят. Шепчутся. Боятся. Завидуют. Маги – особенно. Те, что в чёрных

мантях, с холодными глазами и тонкими губами. Они не подходили. Не угрожали. Просто... наблюдали. Как хищники. Ждущие момента.

Однажды – Гонор пришёл к ней вечером. Закрыв дверь. Посмотрел в глаза.

– Уезжаем, – сказал он.

– Что? Почему?

– Здесь – ловушка. Маги хотят тебя изучить. Или... убраться. Князь – слаб. Не защитит. Я – не смогу. Один.

– Куда?

– На юг. В деревни. Там – люди. Там – травы. Там – свобода. Пока не поздно.

Она не колебалась. Не спрашивала «а вдруг». Просто кивнула.

– Когда?

– Завтра. На рассвете. Возьми только самое нужное.

Она собрала сумку – травы, иглы, нитки, дневник, туфли, плащ Гонора (он не забрал его обратно). Написала записку князю – «спасибо, но мне нужно больше». Оставила на столе.

На рассвете – они вышли через чёрный ход. Кони – уже ждали. Простые. Крепкие. Не для парада – для дороги.

– Ты умеешь ехать? – спросил Гонор, помогая ей сесть.

– Нет, – честно ответила она. – Но научусь.

Он кивнул. Сел рядом. Не на своего коня. А – на её. За ней. Чтобы держать, если упадёт.

– Держись, – сказал он, беря поводья.

– Всегда, – ответила она.

Они выехали из города. Мимо полей. Мимо рек. Мимо лесов. Мимо деревень, где люди смотрели на них с любопытством, но не со страхом. Где дети бежали за ними, смеясь. Где собаки лаяли, но не кусали. Где воздух пах хлебом, дымом и весной.

Снежана дышала полной грудью. Впервые – свободно. По-настоящему.

– Почему ты это сделал? – спросила она, когда солнце начало клониться к закату. – Почему увёз меня? Ты мог остаться. Получить деньги. Контракт. Почёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.